

**Философские размышления
Ф.М. Достоевского и А.Д. Градовского
Об Истории России и о будущем человечества¹**

**Philosophical reflections
of F.M. Dostoevsky and A.D. Gradovsky
on the history of Russia and the future of
humanity**

Ли Тяньюнь

Канд. филос. наук, доцент, Хэбэйский Северный Университет
e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Li Tianyun

Cand. Sc., Assistant Professor, Hebei North University
e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Кудрин С.К.

Независимый исследователь
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Free Researcher
e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

«Пушкинская речь» Достоевского, прочитанная в 1880 г., вызвала бурную реакцию в русском культурном сообществе. Самыми заметными из полемик были дискуссии между Фёдором Достоевским и Александром Градовским, профессором Санкт-Петербургского университета. Ф.М. Достоевский и А.Д. Градовский имели ряд глубоких бесед о религии и политике в России, а также об её истории. Мало того, они ещё выдвинули собственное видение будущего человечества.

Достоевский и Градовский начали с изучения Отечественной войны 1812 г. и её

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

огромного значения для построения российского национального государства. Затем русские мыслители исследовали реформу крепостного права 1861 г. и её важное влияние на русское общество. Наконец, Фёдор Михайлович и Александр Дмитриевич обсудили принципиальный вопрос — вопрос русско-европейских отношений.

Ключевые слова: Фёдор Михайлович Достоевский; Александр Дмитриевич Градовский; «Пушкинская речь»; история России; будущее человечества.

Abstract

“Dostoevsky's Pushkin Speech,” read in 1880, provoked a violent reaction in the Russian cultural community. The most notable of the polemics were the discussions between Fyodor Dostoevsky and Alexander Gradovsky, a professor at St. Petersburg University. F.M. Dostoevsky and A.D. Gradovsky had a number of in-depth conversations about religion and politics in Russia, as well as its history. Not only that, they also put forward their own vision of the future of humanity.

Dostoevsky and Gradovsky began by examining the Patriotic War of 1812 and its great significance for the building of the Russian nation-state. The Russian thinkers then explored the serfdom reform of 1861 and its important impact on Russian society. Finally, Fyodor Mikhailovich and Alexander Dmitrievich discussed a fundamental issue — the question of Russian-European relations.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky; Alexander Dmitrievich Gradovsky; “Pushkin's Speech”; history of Russia; future of humanity.

Фёдор Достоевский — один из крупнейших русских писателей и европейских религиозных философов XIX в. Александр Градовский — выдающийся русский философ права. В 1880-х годах у этих двух русских культурных деятелей возникли серьезные разночтения по поводу знаменитой «Пушкинской речи». Примечательно, что в этой дискуссии Достоевский и Градовский обсуждали не только религиозные и политические проблемы России, но и множество исторических вопросов. Данная статья представляет собой анализ философских размышлений Достоевского и Градовского об истории России. Благодаря этому анализу мы также сможем увидеть, каким Достоевский и Градовский видели будущее человечества.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Для Градовского первоочередной задачей русского народа являлось создание сильного национального государства. В этом состоял не только личный взгляд Александра Дмитриевича, но это было и видением всей русской политической философии. Коренное различие русской политической философии от русской религиозной философии состоит в том, что первая помимо отстаивания важности личной нравственности, также выступает за установление личной нравственности на прочном фундаменте общественной. В добродетельном

обществе его граждане неизбежно станут добрыми. В безнравственном — даже граждане с отличными моральными качествами, в конечном итоге, пострадают от общего разложения морали. Поэтому, по мнению русских политических философов, таких как Градовский, фундаментальный путь трансформации русского общества заключается в развитии национального государства. Градовский указал: «Теперь мы дошли до самого важного пункта в нашем разномыслии с г. Достоевским. Требуя смирения пред народною правдою, пред народными идеалами, он принимает эту «правду» и эти идеалы, как нечто готовое, неизблемое и вековечное. Мы позволим себе сказать ему — нет! Общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа» [1, с. 381].

Говоря о возникновении российского национального государства, мы должны обсудить Отечественную войну 1812 г. и последующий Венский конгресс. Отечественная война 1812 г. значила для Российской империи то же, что Вторая мировая война значила для Советского Союза. Отечественная война 1812 г. объединила народы Российской империи и привела к небывалому пробуждению русского национального самосознания. После Отечественной войны 1812 г. русские интеллектуалы и русский народ стали считать, что Россия больше не является отсталой восточной страной, а она есть одна из великих мировых держав. Российская империя уже не находилась под сильным влиянием западных держав, а стала самостоятельно участвовать в дефиниции политики Европы. Венский конгресс стал одним из важнейших исторических моментов участия Российской империи в определении европейского мироустройства.

Основной целью Венского конгресса было поддержание стабильности ситуации в Европе и подавление различных форм националистических движений. По мнению политиков-консерваторов в различных европейских странах, Венская система была очень эффективной для поддержания их правления. Для либералов в различных странах Европы, не говоря уже о революционерах, Венская система была очень вредна. Эта ситуация в принципе справедлива и для России. Большинство исследователей Венского конгресса считают, что именно на нём русская нация показала свою силу. Но, по мнению Александра Градовского, этот конгресс стал именно тем моментом, когда русский народ совершил множество преступлений. Поэтому Александр Дмитриевич выступил с крайне резким осуждением Венского конгресса и системы, сложившейся после него. Отечественный правовед негодовал: «Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей «гордости»? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это «служение»!» [1, с. 382].

Клеменс Меттерних был известным австрийским политиком XIX в. и настоящим лидером Венского конгресса. Фёдор Достоевский признавался, что в молодости он был одним из его главных противников. Однако, пережив каторжное крещение, русский литератор изменил своё мнение (Достоевский

больше никогда не занимал радикальную позицию против Меттерниха). Великий литератор в зрелый период своего творчества полагал, первое, что надо осуществить русскому писателю, — помочь человеку избавиться от внутренних оков. С точки зрения Фёдора Михайловича, которому на тот момент было почти шестьдесят лет, метод противостояния Грановского австрийскому государственному канцлеру казался несколько детским и смешным. Великий русский романист возмущался: «А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это вы-то меня будете в этом учить? Да я ещё, когда вы были студентом, про служение Меттерниху говорил, да еще посильнее вашего, и именно за слова об неудачном служении Меттерниху (между другими словами, конечно) — тридцать лет тому назад известным образом и ответил» [2, с. 171].

Видно, что Достоевский, как и Градовский, был непримиримым противником австрийского политика. Просто Градовский пытался использовать политико-военные средства, чтобы противостоять тому. Достоевский же считал, что эти средства не смогут по-настоящему и эффективно устранить влияние Меттерниха. По мнению великого русского писателя, только через литературное творчество, только проникнув в глубину человеческого сердца, мы можем по-настоящему разорвать оковы души и раскрыть её божественное начало, достигая мистической сферы единения Бога и человека. В это время уже не будет необходимости ни в государстве, ни в церкви, и антиэгалитарные системы, подобные венской, сгинут.

В «Пушкинской речи» Достоевский в последний раз выразил свой взгляд на будущее человечества. Эта мысль неоднократно появлялась в романах Достоевского зрелого периода. Русский мыслитель заявил: «И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяюще вместиť в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [2, с. 148].

Для русских религиозных философов, таких как Фёдор Михайлович, будущее человечества должно быть позитивным. Русские религиозные философы вообще верили, что люди в конце концов достигнут необыкновенно прекрасного будущего — богочеловечества. Но Александр Градовский категорически противился такому восхитительному будущему человечества. Он писал: «Словом, свершится то, чего не предсказывает и апокалипсис! Напротив, тот предвещает не «окончательное согласие», а окончательное «несогласие» с пришествием Антихриста. Зачем же приходить Антихристу, если мы изречем слово «окончательной гармонии»?» [1, с. 381].

А. Градовский указывает в этом отрывке на то, что мировоззрение Ф. Достоевского выходит за рамки церковного православия. Действительно, современные российские учёные также отрицают принадлежность Достоевского

к нему [3;4]. Русский юрист-теоретик считал, что мировоззрение Ф. Достоевского неверно именно потому, что оно несовместимо с церковным православием. Как профессор правоведения в главном (на тот момент) университете страны, Градовский чётко занимал позицию церковного православия.

2. РЕФОРМА 1861-ОГО ГОДА И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Говоря о российском государстве, А.Д. Градовский привёл два примера, оба связанные с реформой крепостного права 1861 г. Нужно отметить, что Александр Дмитриевич был не только русским юристом и политическим философом, но и историческим мыслителем [5]. По мнению таких русских историков, как Градовский, реформа крепостного права 1861 г. являлась наилучшим примером того, как государство того времени проводило реформы. Лишь в советский период русские интеллектуалы начали рассматривать реформу крепостного права 1861 г. как историческое событие, инициированное народом. Сегодня современные русские интеллектуалы вновь рассматривают её как классический случай государственного продвижения реформ.

Проанализируем первый пример А. Градовского относительно реформы 1861 г. Он касается, прежде всего, её нравственных аспектов. Чтобы исследовать их, русский правовед сначала изучил моральное значение самого крепостного права. Как известно, российское крепостное право было крайней мерой, которую пришлось принять для привязки крестьян к земле. С социально-исторической точки зрения крепостное право представляется непреодолимым историческим этапом для российского государства. По меньшей мере, российское крепостное право было гораздо мягче северо-американского [6]. В период крепостного права российские крестьяне имели меньшую рабочую нагрузку и более низкий уровень смертности, чем их северо-американские коллеги. Что Градовский не мог принять, так это нравственного аспекта российского крепостного права. Но он выступал не только против российского крепостничества, а против самого рабства на протяжении всей человеческой истории. В связи с этим, Александр Градовский не одобрял деяний апостола Павла, одного из основателей церковного христианства. Русский политический мыслитель отмечал: «Апостол Павел поучал рабов и господ в их взаимных отношениях. И те и другие могли послушать и обыкновенно слушали слово апостола; они лично были хорошими христианами, но рабство чрез то не освящалось и оставалось учреждением безнравственным» [1, с. 379].

Политическая теология Павла выступала за улучшение отношений между господином и рабом, а не за отмену рабства. По словам апостола Павла, ни одно общество не может быть без господ и без рабов. Так и в наши дни, хотя рабства уже нет, нет господ и рабов, на любом предприятии все ещё существуют отношения между работодателем и работником. Даже апостол Павел мог выразить христианскую истину только в терминах, понятных его современникам, что в действительности римской империи представляло собой отношения

господина и раба. Истина, которую на самом деле пытается донести до нас апостол Павел, заключается в том, чтобы улучшить отношения между работодателем и работником, а не отношения между господином и рабом. Достоевский выразил поддержку политической теологии Павла. По этому поводу он написал: «Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: «Честь тебе и слава, — скажет он ему, — и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, как человек, тебе равен»» [2, С. 163-164].

Александр Дмитриевич Градовский же был либералом и категорически отрицал политическую теологию Павла. По мнению русского теоретика права, возможности улучшения отношений между господином и рабом не было. Рабство, по сути, представляет собой нравственно-извращённую систему, и тут все реформы бесполезны. Градовский считал, что, хотя апостол Павел достиг личного нравственного самосовершенствования, его защита рабства привела к тому, что он потерял возможность внести больший вклад в будущее человечества.

Второй пример А.Д. Градовского касался главным образом правовых аспектов реформы 1861 г. Русский политический философ был государственным, который считал, что отмена крепостного права зависит от властного дискурса. Александр Дмитриевич вопрошал: «Можно ли предположить, чтоб они достигли отмены крепостного права, чтоб не нужно было властного слова для устранения этого «явления»?» [1, с. 380].

А. Градовский утверждал, что развитие общества зависит от государства. Но, несмотря на это, он никогда не отрицал развития и прогресса общества. Напротив, он рассматривал реформу крепостного права 1861 г. как типичный случай исторического развития и прогресса русского общества и высоко оценивал её. Александр Дмитриевич утверждал: «Тогда исчезнут и глупые мечты о «всемирном счастье», потому что каждый поймет, что отдельный человек может служить человечеству только чрез свой народ и что вне этого народа ему нигде нет места. Коротко говоря: нужно только смело и бодро идти по пути, открытому с 1861 года, когда устранена была главная причина нашего «скитальчества»» [1, С. 382-383]. Отсюда заметно, что не только у русских религиозных философов были глубокие мысли о будущем человечества, но и у русских политических философов также были оные.

3. РОССИЯ, ЕВРОПА И ПРОБЛЕМА КОСМОПОЛИТИЗМА

У Фёдора Михайловича Достоевского, как и у Владимира Сергеевича Соловьева, в творчестве были космополитические тенденции. Но, на первый взгляд, и Достоевский, и Соловьев являются представителями традиционной русской философии. Как же они могли быть космополитами? Если внимательно прочитать тексты Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, то нетрудно обнаружить,

что на самом деле великая историческая миссия русской нации у них заключается не в самоспасении и уж тем более не в так называемом национальном эгоизме, а в спасении всего мира и человечества. Достоевский считал, что это заложено в природе русской нации. Он привёл в пример главного героя романа Ивана Сергеевича Тургенева «Рудин» — Дмитрия Петровича Рудина. Рудин один отправился в Париж, участвовал в народном восстании там и, наконец, героически погиб [7]. Фёдор Михайлович был уверен в отличие от Ивана Сергеевича в том, что Рудин олицетворяет национальный характер русских. Ф.М. Достоевский доказывал это так: «Да ведь именно потому-то он и русский в высшей степени, что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было бы англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое — давно уже не постороннее русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему, как вы утверждаете» [2, с. 155].

Однако Градовский как русский политический философ решительно отверг эту космополитическую тенденцию. В истории русской мысли религиозные философы часто выступали против национального эгоизма и отстаивали дух космополитизма, опираясь на новозаветные проповеди. Политические же философы, зачастую исходя из строгих социально-философских концепций, решительно выступали против тенденции либерализации космополитизма и упорно трудились, защищая мощь российского национального государства. Так что это не личный диспут Достоевского с Градовским, а дискуссия всей традиции русской религиозной философии с традицией русской политической философии. На первый взгляд А. Градовский близок к западничеству своим желанием преобразовать Россию с помощью передовой европейской науки, технологий и политической системы. Но на самом деле русский правовед не принадлежит полностью к западникам, поскольку он твердо отстаивает уникальный исторический статус российского национального государства и опровергает взгляды Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, представляющего космополитическую тенденцию. В этом отношении Достоевский и Соловьев ближе к западной позиции, чем Градовский (в последние годы жизни Фёдор Михайлович всё больше находился под влиянием Владимира Сергеевича).

Но в произведениях зрелого периода «Идиот» и «Бесы» Достоевский в основном стоял на точке зрения славянофильства и выступал против западничества. Например, в романе «Идиот» даётся резкая критика князем Мышкиным католицизма [8, С. 446-460]. Другой пример: в романе «Бесы» Шатов решительно отстаивает национальный характер Бога [9, С. 196-203]. Но в более поздних творениях Достоевского проявлялось всё больше тенденций, близких к западной позиции. Николай Сергеевич Трубецкой в трактате «Миросозерцание В. С. Соловьева» уверял, что на это главным образом повлиял Владимир Соловьев [10]. Один из наиболее явных случаев такого влияния — идеал «европейских русских» у Ф. Достоевского, выраженный словами Версилова, отца Аркадия, в его романе «Подросток» [11, С. 368-380]. В ответе

Градовскому Достоевский ещё раз прописал этот важный момент: «Представьте, г-н Градовский, что вы сделали какое-нибудь доброе дело или идёте только сделать его, и вот вы, дорогою, в добром умилении вашем думаете и воображаете: «Как обрадуется этот несчастный неожиданной помощи, которую я ему несу, как воспрянет духом, как воскреснет, пойдет расскажет о своей радости своим домашним, своим детям, заплачет с ними...» — думая и воображая это, вы, конечно, сами почувствуете умиление, иногда даже слезы (неужели этого с вами никогда не случалось?), и вот подле вас умный голос вам в ухо: «Это ты гордишься, воображая всё это себе! Это ты от гордости проливаешь слезы!» [2, с. 172]».

Читатели, подробно знакомые с биографией Достоевского, знают, что в детстве у того был очень неприятный опыт. В детские годы Фёдор Михайлович видел, как почтальон отчаянно избивал маленького ослика на улице родного города писателя. Это впечатление вызывало у Фёдора Достоевского сильное сочувствие ко всем слабым живым существам. Детские переживания Достоевского были переданы Раскольникову, главному герою его романа «Преступление и наказание» [12, С. 44-52]. Здесь известный русский романист рассказывал об этом опыте. Но на этот раз точка зрения Достоевского казалась иной. Теперь он обвинял почтальона в том, что тот потерял близость к русской природе, как русские интеллигенты потеряли близость к «народной правде». В отличие от использования этого детского образа в «Преступлении и наказании», в «Пушкинской речи» Достоевский словно хочет сказать, что в России всё, что соответствует христианскому учению, есть «народная правда», и она истинно русская. А то, что не соответствует христианскому учению, ни в коем случае не является «народной правдой» и не имеет никакого отношения к русской национальности. Фёдор Михайлович писал: «В детстве моем я видел раз на большой дороге фельдгегера, в мундире с фалдочками, в треуголке с пером, страшно тузившего в загорбок ящика кулаком на всем лету, а тот исступленно стегал свою запаренную, скачущую во весь опор тройку. Этот фельдгегер был, разумеется, по рождению русский, но до того ослепший и оторвавшийся от народа, что не мог иначе и объясняться с русским человеком, как своим огромным кулачищем вместо всякого разговора» [2, с. 155].

Не стоит думать, что Достоевский приписывает всё хорошее и прекрасное России, а всё плохое и безобразное Европе, ибо в последние годы жизни Фёдор Михайлович испытал сильное влияние западничества (подробно это было выяснено выше). Несмотря на это, он всё же оставался человеком консервативных взглядов (каким стал после каторги) до последнего вздоха.

Литература

1. Градовский А. Д. Мечты и действительность (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // Градовский А. Д. Полн. собр. соч. В 9 т. Т. 6. СПб., 1901. С 375-383.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год (август) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 129-174.

3. Евлампиев И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд. РХГА, 2012. — 585 с.
4. Евлампиев И. И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. — 600 с.
5. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 938 с.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): В 2 т. — 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 548 + 568 с., 87 + 55 ил.
7. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 5. М., 1980. С. 198-322.
8. Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 8. Л., 1973. — 510 с.
9. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. — 516 с.
10. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева. В 2 т. М.: Медиум, 1995. — Том I — 606 с.; Том II — 624 с.
11. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 13. Л., 1975. — 455 с.
12. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973. — 422 с.